

0- 776497

Санкт-Петербургский государственный университет

На правах рукописи

Куканова Виктория Васильевна

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ
РЕПРОДУЦИРОВАННЫХ ТЕКСТОВ
(на материале звукового корпуса русской речи юристов)

Специальность 10.02.01 – русский язык

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Санкт-Петербург
2009

Работа выполнена на кафедре русского языка факультета филологии и искусств
Санкт-Петербургского государственного университета

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Богданова Наталья Викторовна

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Мокиенко Валерий Михайлович

кандидат филологических наук, доцент
Зобнина Елена Алексеевна

Ведущая организация: Институт лингвистических исследований РАН

Защита состоится «4» июня 2009 г. в 16⁰⁰ часов на заседании
совета Д 212.232.18 по защите докторских и кандидатских диссертаций при Санкт-
Петербургском государственном университете по адресу: 199034, г. Санкт-Петербург,
Университетская наб., д. 11, ауд. 195.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке им. М. Горького
Санкт-Петербургского государственного университета (199034, г. Санкт-Петербург,
Университетская наб., д. 7/9).

Автореферат разослан « » 2009 г.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ

0000555510

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук

Руднев Д. В.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

В центре внимания реферируемой работы находится изучение неподготовленного устного пересказа, который является одновременно разновидностью устного монолога и типом вторичного текста и в котором переплетаются особенности как устной речи, так и вторичных речевых образований.

Актуальность исследования определяется следующими моментами. Во-первых, в лингвистической науке давно назрела необходимость исследования, с одной стороны, «живой» монологической речи, а с другой — репродуцированного текста как одного из видов вторичных речевых образований. Во-вторых, изучение рассматриваемого типа речи и типа текста осуществляется в работе с учетом социологических и психологических характеристик говорящей языковой личности. На «входе» репродуцированной речевой деятельности существует первичный письменный текст, на «выходе» — устный его пересказ, а что происходит между стимулом и реакцией на него — неизвестно, это своего рода «черный ящик». Сравнение текстов на «входе» и «выходе» позволяет частично описать этот «черный ящик». Анализ первичного и вторичного текстов может показать, какие процессы представления информации и развертывания в текст, т. е. конструирования, «срабатывают» при пересказе.

Существует множество работ, объектом которых являются, с одной стороны, устные монологические тексты научного и публицистического характера (см., например: Фишер 1995; Лаптева 1995; Баженова 2001; Дроздова 2003; Щелкунова 2004; Ракитина 2006), с другой — письменные пересказы (см., например: Новиков 1983; Солодянкина 2004; Агранович 2004; 2006; и др.). Однако исследований, посвященных устному монологу-пересказу, пока явно недостаточно, многие вопросы ещё остаются невыясненными. В центре настоящего исследования находится одновременно бытовой спонтанный монолог, «который характеризуется непринужденностью, неофициальностью и неподготовленностью, который может не зависеть от обстановки осуществления и не обязательно рассчитан на участие в акте коммуникации» (Богданова 1998: 63), и пересказ (или репродуцированный текст), под которым понимается вторичное речевое образование, созданное на базе первичного (устного или письменного) текста и полностью или частично передающее его содержание.

Объектом исследования настоящей работы является, таким образом, спонтанная репродуцированная речь юристов, полученная в условиях эксперимента.

Предметом исследования является язык устного спонтанного пересказа, причем в центре внимания находятся такие языковые параметры, как композиционная структура пересказа, коммуникативные стратегии и установки языковой личности в построении репродуцированного текста, типы пересказа, длина текста в словах, доля в нем номинативной лексики, дистрибуция некоторых частей речи и эндо- и экзоединицы¹ звучащего репродуцированного текста. Под *эндоединицами* в настоящей работе понимаются те элементы текста-пересказа, которые равны слову или больше, чем слово (выражение или конструкция), и полностью мотивированы предтекстом. *Экзоединицы* формально не совпадают с единицами предтекста², но при этом мотивированы ими разными способами. Иными словами, предметом исследования являются как сам пересказ, так и возможная зависимость некоторых его лингвистических признаков от типа предтекста и от характеристик говорящего.

Целью настоящей работы является лингвистический анализ репродуцированных текстов, произведенный на материале русской речи юристов. В

¹ Приставка *exo-* (греч.) означает 'вне, снаружи', а *endon-* (греч.) 'внутри'.

² Термин *предтекст* был введен Н. В. Богдановой и употребляется для обозначения первичного текста, ставшего стимулом для порождения вторичного образования.

соответствии с поставленной целью были определены следующие задачи диссертационного исследования:

(1) подготовительный этап:

- разработка принципов сбалансированной выборки информантов для записи и собственно отбор информантов;
- социологическое анкетирование и психологическое тестирование всех информантов, а также обработка полученных данных;
- создание корпуса звучащей бытовой речи юристов в рамках проекта научно-исследовательского семинара «Интегральное моделирование звуковой формы естественного языка» Института филологических исследований факультета филологии и искусств СПбГУ; запись на цифровой диктофон спонтанных текстов различных типов в исполнении информантов³;
- первичная обработка записей — шумоподавление с целью повышения качества материала для его дальнейшего лингвистического анализа;
- расшифровка полученного материала (представление монологов в орфографическом виде с простейшей интонационной разметкой, проведенной на основе слухового анализа);

(2) исследовательский этап:

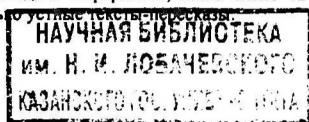
- описание структурной организации спонтанных монологов и коммуникативных стратегий и установок языковой личности в построении репродуцированных текстов, а также их типов;
- анализ следующих лингвистических параметров полученного в ходе записи материала:
 - длина текста в словах;
 - доля номинативной лексики;
 - дистрибуция существительного и глагола;
- построение классификации эзединиц;
- анализ эндо- и эзединиц вторичного текста;
- установление зависимости полученных лингвистических характеристик монолога от его типа, с одной стороны, и от психологических и/или социальных характеристик говорящего, с другой.

Материалом исследования послужили устные спонтанные тексты-пересказы. Первичными текстами явились отрывки из художественных произведений М. А. Булгакова «Собачье сердце» (сюжетный — Текст 1) и И. С. Тургенева «Бежин луг» (несюжетный — Текст 2) (более двух часов звучания). Всего было проанализировано 80 монологов (по два текста от каждого из 40 информантов) общим объемом 10 000 словоупотреблений.

Все информанты разделены на две возрастные группы (до и после 35 лет). Каждая возрастная группа имеет подгруппы, дифференцирующие пол информантов, уровень образования, а также профессиональное или непрофессиональное их отношение к речи (см.: Богданова 2001: 58).

Теоретическая значимость исследования определяется описанием, во-первых, структуры устного репродуцированного монолога и, во-вторых, характера мотивированности его единиц первичным текстом — в лингвистическом, социолингвистическом и психолингвистическом аспектах. К тому же изучение

³ В ходе исследования была записана полная программа монологов в исполнении всех информантов (Богданова и др. 2008) — чтение и пересказ двух текстов, описание двух изображений, свободный монолог на заданную тему (по 7 текстов от каждого информанта, всего около 12 часов звучания), но материалом настоящей работы послужили только устные тексты-пересказы.

социально-психологических и лингвистических факторов ведет к разграничению социального — языкового и психического — языкового.

Научная новизна настоящего исследования заключается в том, что впервые предпринимается многоаспектный анализ репродуцированных текстов. С одной стороны, это описание коммуникативных стратегий и установок языковой личности в создании репродуцированных монологов, а также эндо- и экзоединицы этих текстов; с другой — изучение влияния на порождение текста таких факторов, как тип монолога и характеристики говорящего (пол, возраст, темперамент и пр.).

Практическая значимость исследования заключается в том, что его материал может быть использован для разработки методик формирования у школьников и иностранцев навыков пересказа и построения «цельного монологического высказывания» (Щерба 1957: 115); для обучения студентов-филологов анализу звучащего языкового материала, не поддающегося «правилам» описания письменного текста; а также для создания искусственного интеллекта.

Апробация работы. Основные идеи, положения и результаты диссертационного исследования были апробированы на XXXVI Международной филологической конференции (г. Санкт-Петербург, март 2007 г.); IV Международной научно-практической конференции «Текст: проблемы и перспективы. Аспекты изучения в целях преподавания русского языка как иностранного» (г. Москва, ноябрь 2007 г.); XXXVII Международной филологической конференции (г. Санкт-Петербург, март 2008 г.); Международной конференции «Диалог» «Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии» (г. Москва, июнь 2008 г.); XXXVIII Международной филологической конференции (г. Санкт-Петербург, март 2009 г.).

В работе используются традиционные для лингвистических работ описательный и сравнительно-сопоставительный методы исследования, а также метод слухового анализа, метод компонентного анализа, простые статистические методы.

Структура работы. Диссертационная работа включает в себя введение, две части, содержащие пять глав, заключение, список использованной литературы, а также ряд приложений, содержащих исходные тексты, таблицы, характеризующие информантов и речевой материал, все спонтанные монологи в расшифрованном виде с простейшей интонационной разметкой, а также частотные алфавитные словники, построенные на материале пересказов двух исходных текстов.

Основные положения, выносимые на защиту.

1. Репродуцированный текст, несмотря на то что он обладает высокой степенью лингвистической мотивированности предтекстом, обнаруживает, тем не менее, достаточно высокую степень спонтанности. Категория *спонтанности* проявляется на разных уровнях — на психолингвистическом, дискурсивном, текстовом.

2. Описание репродуцированного текста в соотношении с предтекстом позволило выявить процессы представления информации и конструирования монолога в ходе репродуктивной речевой деятельности.

3. Пересказ строится согласно избранной говорящим *коммуникативной стратегии*, хотя, безусловно, его замысел обусловлен предтекстом. Реализуемые при пересказе первичного текста коммуникативные стратегии и установки языковой личности (*Я — наблюдатель, Я — читатель, Я — исследователь*) зависят от некоторых характеристик говорящего. На выбор коммуникативной стратегии в построении репродуцированного текста могут оказать влияние следующие факторы: уровень речевой компетенции говорящего (высокий — низкий); его психотип (экстраверт-интроверт); уровень невротизма (высокий, средний и низкий); тип предтекста (его сюжетность-несюжетность).

4. *Структура пересказа* в значительной степени повторяет композицию первичного текста, но вместе с тем в ней появляются «новые» по отношению к предтексту структурные элементы: «опосредованное» описание; оценка событий;

экспликация-комментарий; домысливание (предположение); метакоммуникативные вставки; эзотекст (эзоконструкции). «Опосредственное» описание является основным элементом в структуре текста, построенного по коммуникативной стратегии *Я — читатель*. Экспликация-комментарий также характерен для этого типа репродуцированного текста. Некоторые из них — например, метакоммуникативные вставки — позволяют диагностировать низкий уровень речевой компетенции говорящих.

5. Репродуктивная речевая деятельность человека находится в прямой зависимости от его социальных и психологических характеристик.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается актуальность и научная новизна исследования, определяются его объект и предмет, формулируются его цели и задачи, описывается теоретическая и практическая значимость работы.

Первая часть — «Спонтанная речь и аспекты ее изучения» — носит обзорно-теоретический характер и состоит из двух глав. В этой части исследования рассматриваются основные спорные вопросы, связанные с изучением монолога, категории спонтанности, факторы, оказывающие влияние на продуцирование речи.

Первая глава диссертационного исследования «Спонтанный монолог и его типы» посвящена рассмотрению основных точек зрения на этот монолог как тип речи («продолжительная реплика» — В. Д. Девкин и О. Б. Сиротинина и др. / «рассказ» — О. А. Лаптева, Х. Изенберг, И. М. Канакова, Е. В. Красильникова, Н. В. Богданова, Е. К. Пигрова и др.) и признакам монологичности. Среди последних называют *протяженность* (Л. П. Якубинский и О. А. Лаптева), *текстовую организацию* (например, Е. В. Красильникова, Н. Ю. Шведова, И. П. Амзаракова), *запрет на реакцию слушателя, наличие внутреннего замысла* (А. Р. Лурия, И. Н. Борисова). Представляется, что наиболее важным здесь является внутренний замысел, который навязывает всем остальным признакам «свою волю», т. е. он обуславливает текстовую организацию монолога и, следовательно, его протяженность. Участники коммуникативного акта подстраивают ситуацию под говорящего, выражая свою установку на монолог чаще всего вербально и — в меньшей степени — невербально (например, жестами). Если говорить о монологе как о продукте речевой деятельности, то это речевое образование, принадлежащее одному субъекту и обладающее текстовыми категориями связности и целостности.

Одним из видов монолога является *репродуцированный текст*, или *пересказ*, представляющий собой один из основных способов передачи информации, источником которой является другой человек. В основе пересказа лежит *идея вторичности* (тот или иной текст становится объектом деятельности для другого субъекта), необходимость переработки первичного текста (изменения в той или иной степени формальной, функциональной, тематической, интенциональной и других его сторон).

Пересказ является одним из самых трудных коммуникативных сценариев, по которому строится бытовая, повседневная речь носителей языка, поскольку говорящему в условиях спонтанного речепроизводства приходится строить текст с весьма жесткой структурой. Репродуцированный текст обладает высокой степенью лингвистической мотивированности⁴ исходным текстом и, напротив, достаточно низкой степенью спонтанности, что оказывает значительное влияние на его характеристики. Во-вторых, сценарий пересказа предполагает изложение содержания «своими словами» с относительным сохранением тематической и функциональной

⁴ Под лингвистической мотивированностью понимается, вслед за Н. В. Богдановой, обусловленность характеристик вторичного речевого образования признаками исходного текста-стимула.

направленности предтекста. В-третьих, особенностью пересказа является то, что он представляет собой результат переработки говорящим содержательной и формальной структуры первичного текста. Чтение текста и его воспроизведение, несомненно, требуют активации интеллектуальных усилий. Иными словами, пересказ как вид речевой деятельности является средоточием многих психических процессов.

Во втором разделе первой главы рассматриваются понятия спонтанности, ее причины и виды. Спонтанность речи можно понимать в узком смысле (речь вызвана внутренним побуждением говорящего) и в широком смысле (любая неподготовленная речь). Однако в настоящей работе термин *спонтанность* — в соответствии со сложившейся в лингвистике традицией его употребления — используется для обозначения *неподготовленности* речи как неперменного условия ее реализации, в когда свобода и самопроизвольность проявляются в речи и как процессе, и как продукте.

Вслед за И. Н. Борисовой, мы предполагаем, что спонтанность проявляется на *психолингвистическом* (речь как процесс), *дискурсивном* (речевое поведение) и *языковом* (речь как продукт) уровнях. На психолингвистическом уровне спонтанность порождения речи относится к довербальным и вербальным этапам речевой деятельности (зарождение замысла, планирование в ходе продуцирования речевого сегмента). На дискурсивном, речеведческом, уровне спонтанность усматривается в реактивности речевого поведения (реакции говорящего на слушателя и на ситуацию), импровизированности, непредсказуемости речи, речевом автоматизме (типичность и ограниченность речевых операций). Текстовый (языковой) подход связан с проявлением спонтанности на разных уровнях организации самого текста: композиционном, текстокатегориальном (цельность и связность) и собственно языковом (отражение спонтанности на уровне лексики, синтаксиса, интонации, сегментной фонетики).

Что касается пересказа, то на психолингвистическом уровне репродуцированный текст тематически полностью мотивирован предтекстом. Кроме того, при воспроизведении прочитанного текста в сознании говорящего уже имеется некая программа: общий замысел, которые мотивирован предтекстом, и замысел отдельных фрагментов его речи. В дискурсивном аспекте спонтанность в пересказе проявляется минимально, так как практически отсутствуют элементы реактивности на ситуацию и на слушателя. Речевой автоматизм (клише, повторы, риторические вопросы) в минимальной степени представлен в этом типе монолога. В композиции пересказа достаточно сложно выделить элементы, свидетельствующие о спонтанности, так как его структура в большинстве случаев дублирует структуру первичного текста. Предтекст влияет на порождение пересказа и лексически, и синтаксически, хотя и в меньшей степени. Человек знает, что он будет говорить, но еще не знает, какие конструкции он при этом будет использовать.

Вторая глава — «Методика формирования материала исследования» — посвящена балансировке состава информантов и речевого материала. В основу такой балансировки был положен принцип бинарности: мужчины и женщины, старшая и младшая возрастные группы, уровень образования, профессиональное и непрофессиональное отношение к речи, высокий и низкий уровни речевой компетенции, сюжетный и несюжетный предтекст. Однако по психологическим признакам принцип бинарности соблюсти не удалось, но наличие таких характеристик все же позволило учесть их при анализе материала и ряд их психологических особенностей. Одна из частей этой главы посвящена описанию материала и методики исследования, а также характеристик первичных стимулов.

Во второй части — «Лингвистический анализ репродуцированных текстов» — представлен собственно анализ полученного материала; эта часть

включает в себя три главы, в каждой из которых рассматривается определенный лингвистический признак репродуцированного текста.

Так, **третья глава исследования — «Структура репродуцированных текстов»** — посвящена анализу композиции пересказа, коммуникативным стратегиям и установкам языковой личности, которые были избраны информантами для реализации поставленного перед ними задания, и типам пересказа.

Стимулом для появления текста-пересказа может служить не только прочитанный первичный текст, но и другие объекты действительности, с которыми знакомы говорящие (Филиппова 2008). Так, в случае пересказа сюжетного предтекста многие испытуемые, прочитав текст, вспоминают экранизацию повести и воспроизводят уже не прочитанный отрывок, а фрагмент из фильма — см. пример (1). В случае пересказа несюжетного предтекста дополнительным стимулом могут быть явления или предметы действительности, которые не раз наблюдал говорящий в своей жизни — см. пример (2). И в том, в другом случае можно говорить об опыте говорящего, накопленном в течение жизни.

- (1) *что там дальше-то было?! в общем всё понятно // дальше его поймали // еще открыв... открылась одна дверь // собаку поймали // собачка почувствовала э-э / какой-то тошнотворный сладкий запах // всё в голове закрутилось / перемешалось // всё! не помню! ведь это мое любимое кино между прочим / и не читайте советских газет // блин / других нет / вот и не читайте // всё //* (Текст 1. Инф. 23).
- (2) *я представила небо // поле / луг / замечательные цветы / полевые / дорогу проселочную / да / телега по ней едет / поднимая клубы пыли / за собой / потому что давным-давно не было дождей //* (Текст 2. Инф. 39).

Анализ структуры репродуцированного текста в основном опирается на традиционную классификацию композиционных частей (зачин, основная часть, концовка), но при этом по мере необходимости учитывается и привлекается так называемая «бриллиантовая схема» У. Лабова и Дж. Валетски (Labov, Waletzky 1973). По материалам исследования можно говорить о нескольких вариантах зачина репродуцированного текста: 1) отсутствие начала так такового; 2) название текста-источника; 3) название основной идеи или темы первичного текста; 4) метакоммуникативная конструкция⁵; 5) инициальная конструкция с речемыслительными глаголами.

В основной части пересказа можно выделить несколько речевых действий, которые организуют «тело» текста. Эти действия выделяются на основе их функции в тексте. В основную часть вторичных текстов могут входить следующие классы речевых действий:

- **повествование**;
- **собственно описание** (как статическое, так и динамическое). Объектом описания являются предметы или явления действительности, их свойства и состояния;
- **«опосредованное» описание**: говорящий описывает события и объекты первичного текста опосредованно, т.е. объектом здесь является именно текст. Говорящий делит предтекст на тематические или композиционные элементы, эксплицируя их во вторичном тексте, описывает события и предметы только этой части. Информант воспринимает текст скорее как статичный продукт, лишенный динамичности. Он пытается препарировать его на части для последующего изложения. Думается, что этот тип речевых действий — более легкой, более гибкой структуры. Здесь необязательным становится порядок следования действий, микротем в изложении первичного текста;

⁵ Под метакоммуникативной конструкцией понимается «...любое сообщение, имеющее своей целью комментарий, объяснение, констатацию или оценку человеком своих собственных коммуникативных действий» (Трунов 2004: 80)

— **экспликация-комментарий** — структурный элемент, в котором говорящий разъясняет, анализирует первичный текст, его содержание и структуру, значение и роль деталей, сюжетных линий и пр.

Приведенные выше речевые действия образуют основную часть вторичного текста и имеют прямое отношение к предтексту. Информант в зависимости от выбранной коммуникативной стратегии строит текст, наполняя его необходимыми для этого элементами.

— **оценка** — композиционный структурный элемент, который в пересказе необязателен и в котором выражается эмоционально-личностное отношение говорящего к событиям, описанным в первичном тексте; он соответствует блоку «оценки» в «бриллиантовой схеме» нарратива;

— **домысливание, предположение**: информанты пытаются дорисовать описанную в тексте-стимуле ситуацию, установить причинно-следственные связи, т. е. выдвигают предположения;

— **метакоммуникативные конструкции**: в них информанты дают оценку своим способностям рассказчика или степени трудности сценария, в рамках которого им приходится порождать текст.

— **эзотекстовая конструкция**, или целый эзотекст (термин Н. В. Богдановой): связан с предтекстом ассоциативно, первичный текст является для говорящего лишь формальным стимулом для порождения новых конструкций или нового текста. В результате реализуется абсолютно другой речевой сценарий (уже не пересказ, а свободный рассказ на заданную исходным текстом-стимулом тему). Эзотекстовый элемент, или эзотекст, — более легкий для порождения, более гибкой структуры, он возникает в тех условиях, когда говорящий, в силу вполне определенных причин, не может построить монолог согласно структуре того сценария, который необходим в данной коммуникативной ситуации — см. пример (3).

- (3) *он здесь описывает / природу [...] / красоту нашей природы всё-таки / красоту земли / какова она бывает // какая она бывает / утром / днём и / вечером // а также / затрагивает / части / как бы нашей / ну / земли / что ли / салнце / небо да вода // если общими словами / то вот / говорить / о тексте это что красота природы / здесь указана / что это / такая природа очень удобна / выгодна / для человека / э-э / для его жизни / существования / да / ну / развития потому что вот / действительность какая бы природа не была бы / всегда какая-нибудь красота была бы / если бы не загрязняли люди / своими отходами // ну вот // я имею / производственными вот [нрзб] // то бы / люди / наверно / здесь не прожили бы двести пятьдесят или двести восемьдесят лет <смех> как у нас с точки зрения медицины / э-э ну древние / а так конечно при нашем существовании / люди живут / приблизительно шестьдесят / минус пять плюс пять лет // ну вот // так что [...] судя вот по такому вот тексту [...] / красоте природы / можно действительно прожить // ну вот // что вот в тексте <смех> красота природы // (Текст 2. Инф. 28).*

Здесь информант, отталкиваясь от темы заданной предтекстом, начинает рассуждать о природе, о загрязнении, об экологии, т. е. первичный текст, явившийся стимулом для возникновения вторичного, спровоцировал его на эзотекст, который связан с текстом-стимулом лишь темой (в ряде других — микротемой) — *природа*.

Концовка, как и зачин, не всегда присутствует в спонтанном монологе. Зачастую заключение монолога соответствует концу первичного текста (последнее высказывание предтекста). Для говорящего этот заключительный фрагмент является сигналом конца: он пытается закончить свой текст так же, как и в предтексте — см. примеры (4)–(5). Если конец не осознается слушающим, то говорящий эксплицирует его метакоммуникативными или дискурсивными маркерами — см. примеры (6) и (7).

- (4) *затем он / навалился животом на пса // пёс с удовольствием / укусил его / за ногу повыше ботинка // у него всё поплыло / а-а / влево и вбок // (Текст 1. Инф. 32).*
- (5) *о такой погоде / земле-еделы / говорят что она хороша / для сбора урожая // (Текст 2. Инф. 20).*
- (6) *собака стала медленно терять сознание так как видимо бы... было применено какое-либо / средство а-м / для наркоза // всё // (Текст 1. Инф. 2).*

- (7) *природа описывается с самого утра / до самого вечера // а-а / вот // - / <смех> да / наверно / я просто не знаю / вообще / что сказать //* (Текст 2. Инф. 33).

По материалам исследования можно говорить о трех типах коммуникативных стратегий и установок языковой личности в построении пересказа, получивших в рамках настоящей работы название по этой коммуникативной установке.

1. Изложить «близко к тексту» содержание прочитанного отрывка, передав в сюжетном тексте событийную линию, а в несюжетном — свойства и состояния объектов, которые описываются в первичном тексте. Позиция говорящего при такой интерпретации речевого задания может быть: а) Я — наблюдатель воображаемой картины или б) Я — персонаж⁶. Говорящий может менять свою позицию, но при этом интерпретация коммуникативного сценария сохраняется: см. примеры (8)–(9):

- (8) *был тёплый июльский день // солнце поднималось / на востоке // солнце было не / не яркое / не огненно-рыжее / оно было светлое и лучезарное // лучи его поднимаясь над землей / пронизывали (...) светлые / белые облака // облака <вздох> стоящие над землей (...)верху на небе / лежали белыми белыми яркими / снопами //* (Текст 2. Инф. 12).
- (9) *женщина посетила / пощекотала пальцами / и-и а-а они оказались а-а / в темном / узком коридоре / затем распахнулась дверь // - / а-а / засиял свет и-и / м-м / да! / сложновато так! / значит а-а / засиял свет и-и э-э / нес подумал о том что-о / снова его сейчас будут резать / у него и так весь бок изрезан // - /* (Текст 1. Инф. 3).

2. Передать тематическое содержание первичного текста с выделением главной (доминирующей) темы и ее компонентов. Позиция говорящего: Я — читатель:

- (10) *ну / начинается с того что [...] с описания / э-э женщины и пса // входят они / оказываются в какой-то комнате / и реакция пса / вот на ту ситуацию которую он видит // там / какая-то лестница темная //* (Текст 1. Инф. 16).
- (11) *ну в качестве введения // в данном отрывке взято / взято / скажем так / э-э кусок сельской или деревенской местности / который описывается / э-э / примерно от полудня до вечера / э-э / представительное это / скорее всего / поле или пашня / через которое идет дорога / значит / есте... естественно / временной период / это лето //* (Текст 2. Инф. 8).

3. Проанализировать первичный текст. Позиция говорящего: Я — исследователь. Подобную стратегию можно назвать эвристической:

- (12) *при этом описание происходит / от обратного // - / дабы разнообразить / скажем так / пасторальные / краски / автор не описывает то каким / в данном случае / каким является облака / каким является солнце / каким является небо // а описывает какими они не являются // соответственно /* (Текст 2. Инф. 26).
- (13) *в общем-то / в данном тексте говорится о / а-а / как мы понимаем / о женщине / которая привела собаку / в некую комнату // при этом / а-а параллельно видя / э-э ситуацию глазами / а-а стороннего наблюдателя и глазами собаки //* (Текст 1. Инф. 14).

Таким образом, можно выделить три коммуникативных стратегии, организующих структуру вторичного речевого образования. Две последних несколько схожи, так как и та, и другая требуют аналитического прочтения информантом первичного текста. Но при этом их общим свойстве они отличаются друг от друга глубиной анализа. Во второй стратегии (Я — читатель) говорящий выделяет лишь основную тему и ее компоненты, а в третьей (Я — исследователь) основное его внимание нацелено на анализ деталей, имеющих, как правило, большое значение при восприятии и понимании текста. Информанты пытаются раскрыть смысл и значение этих деталей в ходе пересказа.

Наиболее распространенной коммуникативной стратегией является позиция Я — наблюдатель: на ее долю приходится около 63 % порожденных текстов⁷. По второму типу (Я — читатель) построены 32 % пересказов. Коммуникативная стратегия и установка Я — исследователь является самым невостребованным способом

⁶ Позиция Я — персонаж встретилась на нашем материале всего один раз, к тому же появилась она в результате речевого сбоя, поэтому в дальнейшем анализе не учитывается.

⁷ В исследуемом материале встречаются тексты, содержащие сбой на уровне текста: меняется позиция говорящего или коммуникативная установка. Такие тексты при подсчете коммуникативных стратегий учитывались дважды.

организации текста-пересказа (около 5 %). Авторами вторичных текстов, в которых она доминирует, являются только мужчины младшей возрастной группы с высоким уровнем речевой компетенции. В целом анализ материала показал, что на выбор стратегии пересказа влияют сразу несколько факторов: прежде всего уровень речевой компетенции говорящего, его психотип (экстраверт-интроверт), уровень невротизма и — незначительно — тип предтекста (его сюжетность-несюжетность).

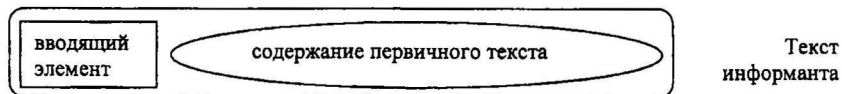
Способ реализации коммуникативного сценария, т. е. текст как продукт, зависит от избранной говорящим стратегии его порождения. По материалам исследования можно говорить, таким образом, о трех типах пересказа.

Тип 1: вторичный текст, в котором доминирует стратегия наблюдателя, — собственно *репродуктив*. Изложение ситуации первичного текста происходит здесь достаточно отстраненно, от 3-го лица, типичного для рассказов-монологов, для большинства художественных произведений, что принято называть «протокольным стилем». В школьной практике такой пересказ называется «близко к тексту». В данном типе пересказа особое значение приобретают таксисные отношения. Информанты, пересказывая предтекст, стараются не нарушать хронологической последовательности в описании событий (выстраивают свою систему временных отношений между действиями), что выражается лексическими и грамматическими языковыми средствами.

Тип 2: своего рода «*текст о тексте*», в котором доминирует одна из двух последних стратегий (*Я — читатель* или *Я — исследователь*). В этом типе пересказа не важен порядок следования событий, действий во вторичном тексте, поскольку говорящий не ставит себе целью отразить событийную линию, а лишь нанизывает при пересказе составные части предтекста. Информант описывает сам текст, выделяя в нем главную тему и микротемы, узловые моменты, наиболее существенные детали и т. д. Эта разновидность пересказа строится на основе блока «опосредованное описание». Говорящий отмечает, что он читатель текста, а не наблюдатель описываемых им самим событий и состояний. Подобная организация пересказа — один из способов передачи чужого текста. Структуру этого типа можно представить следующим образом — см. рис. 1.

Рисунок 1

Структура пересказа-«текста о тексте»

Текст пересказа предстает как структура, состоящая из двух элементов: а) вводящий (глаголы и в редких случаях девербативы (отглагольные существительные), обозначающие рече-мыслительные действия или фазовость); б) элемент, отражающий содержание первичного текста.

Тип 3: вторичный текст, в котором произошел сбой в реализации выбранной стратегии или в повествовательно-грамматической перспективе, в результате чего говорящий коренным образом меняет способ организации своего текста. В таком монологе налицо столкновение противоположных позиций или коммуникативных установок говорящего; найти *точку сбой* — (•) — весьма сложно. Надо сказать, что смены позиции *читатель* → *наблюдатель* в анализируемом материале обнаружить не удалось. Думается, что позиция *читателя* в принципе гораздо легче, чем позиция *наблюдателя*: в последнем случае говорящему приходится пересказывать прочитанное «близко к тексту». Говорящий-наблюдатель обладает минимальной степенью свободы в изложении предтекста. Находясь в позиции *читателя*, говорящий более свободен в порождении репродуцированного текста. Это не просто нанизывание событий и образов, человек здесь волен описывать те события, которые значимы, по его мнению:

- (14) некая Зина / очевидно медицинский работник / привела с улицы { бродячего пса / и решила проводить над ним / медицинские эксперименты // а пёс этого очень не хотел / он был ранен // и очевидно думал что ему / будут причинены еще большие страдания //--// (*) м-м (...) ну там { много всяких подробностей / описание комнаты идет / медицинских инструментов / и так далее //--// (Текст 1. Инф. 36).

Смена плана повествования из третьеличной формы в перволичную является следствием смены позиции говорящего с наблюдателя на персонаж. Перемещение говорящего из одного плана повествования в другой встречается гораздо реже (на 80 проанализированных текстов такой нашелся всего один), что в принципе вполне естественно, так как такое перемещение нецелесообразно в коммуникативном плане (учитывая, что собеседниками были взрослые люди):

- (15) пёс увидел { щелкнувшую пальцами женщину / которая полюбила его за собой / и устремился за ней // он попал в темный коридор / где { был / неприятный запах // э-э последовав за женщиной / он очутился { в светлой / просторной комнате / где всё вокруг / сыро / блестело //--// из-за двери появился / мужчина // э! нет! подумал пёс / кажется я понял / куда я попал //--// это лечебница // надо бежать // из-за двери появился мужчина / который навалился на него //--// запахло чем-то сладким и неприятным // ноги подкосились <усмешка> (...) (*) и я потеряла сознание <смех> (Текст 1. Инф. 11).

Четвертая глава исследования — «Эндо- и экзоединицы в текстах-пересказах» — посвящена описанию эндо- и экзоединиц звучащего репродуцированного текста и их классификации. Коммуникативный сценарий пересказа, как уже говорилось выше, предполагает воспроизведение предтекста своими словами, поэтому вполне естественным является возникновение в нем слов, словосочетаний и конструкций, которые формально не схожи с единицами первичного текста. Вторичный текст обычно состоит из единиц, имеющих ту или иную степень лингвистической мотивированности предтекстом — из эндо- и экзоединиц. Напомним, что под экзоединицами в настоящей работе понимаются те элементы текста-пересказа, которые равны слову или больше, чем слово (выражение или конструкция), и полностью мотивированы предтекстом. Экзоединицы формально не совпадают с единицами предтекста, но при этом мотивированы ими разными способами.

Экзоединицы вторичного текста полностью мотивированы текстом-стимулом и обязательно сохраняют свое синтаксическое и — шире — смысловое окружение: сохраняется исходная пропозиция с незначительным изменением некоторых аспектов ситуации:

Первичный текст	Вторичный текст
<u>Солнце</u> — не огнистое, не раскаленное, как во время знойной засухи, не тускло-багровое, как перед бурей...	(16) <u>солнце</u> с утра не-е раскаленное / но багровое / словно перед бурей / и его тепло приятно // (Текст 2. Инф. 10).

Экзоединицами чаще всего бывают ключевые слова, или смысловые вежи: говорящий запоминает наиболее значимые компоненты первичного текста, которые затем появляются во вторичном тексте как ключевые слова. С другой стороны, экзоединицы появляются в сильных местах текста (в начале и в конце) и в наиболее запоминающихся конструкциях, так, например, в конструкциях с отрицанием: *не чувствуешь сырости, не ко псу, а к шкафу* и т. п.

Больше всего экзоединиц выявлено среди глагольной лексики. Думается, что это связано с тем, что глаголы, с одной стороны, являются носителями предикативности, и говорящий запоминает действия, происходящие в первичном тексте; с другой — глаголы характеризуются более низкой степенью свободы в сочетаемости, чем существительные и прилагательные. Больше экзоединиц-глаголов обнаружено в сюжетном тексте, чем в несюжетном.

Экзоединицы I степени мотивированности предтекстом возникают на основе механизма трансформации элементов первичного текста. Можно выделить несколько подгрупп таких единиц в зависимости от вида и способа их преобразования.

Грамматические трансформации — изменение единиц первичного текста в рамках грамматики (морфологии и синтаксиса). Здесь можно выделить *трансформеры* и *транспозиты*.

Эзединицы-трансформеры появляются на основе мены грамматической формы единицы первичного текста в результате преобразования синтаксической структуры исходного высказывания. В этом случае происходят изменения в слове, включая и его основу (приращение или утрата тех или иных формообразующих элементов), может также меняться синтаксическая роль слова (с сохранением первичной частеречной принадлежности). Например:

Первичный текст	Вторичный текст
<i>Женщина посвистела, пощелкала пальцами, и пес, немного поколебавшись, последовал за ней.</i>	(17) <i>женщина / Зина / пощелкав пальцами / заманила его в темный коридор / (Текст 1. Инф. 26).</i>

В примере (17) происходит трансформация личной формы глагола в деепричастие. Говорящий употребляет глагол *заманила*, являющийся интерпретацией действий первичного текста — *посвистела* и *пощелкала*. В лексическое значение глагола *заманить* входит сема 'привлечь чем-либо', поэтому говорящий сжимает смысл первичного высказывания, частично опуская информацию о том, каким именно образом женщина привлекла внимание собаки (*посвистела*), и придает глаголу *пощелкала* обстоятельственно-определяющее, т.е. сопутствующее главному действию, значение. Тем самым происходит понижение первичного глагола *пощелкала* в синтаксическом ранге: он становится необязательным элементом структуры высказывания.

Эзединицы-транспозиты возникают на основе процесса синтаксической деривации (или транспозиции). *Синтаксическая деривация* — изменение частеречной принадлежности исходного слова без семантического преобразования, ср.: «...при СИНТАКСИЧЕСКОЙ (выделение автора — В. К.) деривации изменение части речи является единственной целью и единственным содержанием преобразования. Осуществляя, например, трансляцию $V \Rightarrow N$, говорящий не имеет в виду выразить какой-либо дополнительный смысл — наоборот, он хочет сохранить значение исходного глагола нетронутым, лишь приспособив его к соответствующему синтаксическому контексту, где допустимым является не V, а N» (Мельчук 1998: 462):

Первичный текст	Вторичный текст
<i>— Стой! С-скотина, — крича господин, прыгая в халате, надетом на один рукав, и хватая пса за ноги. — Зина, держи его за шиворот, мерзавца!</i>	(18) <i>потом вышибил дверь / пытался сбегать // были крики / держите его! (Текст 1. Инф. 19).</i>

В примере (18) говорящий вместо глагола *кричать* использует в своей речи номинализатор данного действия — *крики* ($V \rightarrow N$). Больше всего транспозитов встречается среди глаголов в сюжетном вторичном тексте, потом следуют прилагательные, меньше всего — среди существительных и наречий.

Семантические трансформации. В этом случае единица первичного текста заменяется однокоренным словом той же части речи, что и в предтексте, или другой, но с изменением одной (или более) из его сем. Этот процесс основан на семантической (или лексической) деривации. *Семантическая деривация* — это преобразование лексического значения мотивированного слова по сравнению со значением исходной единицы (Кубрякова, Панкрац 1990: 129-130).

На материале исследования выявились семантические преобразования двух видов — *прямое* (производящее в предтексте → производное во вторичном тексте) и *обратное* (производное в предтексте → производящее в репродуцированном тексте):

Первичный текст	Вторичный текст
<i>...и всю комнату наполнила сладк-им и тошным запахом.</i>	(19) <i><пес> задохнувшись сладк-оват-ым запахом / потерял ориентацию / (Текст 1. Инф. 12).</i>
<i>— Стой! С-скотина, — кричал господин, прыгая в</i>	(20) <i>появился мужчина у которого / белый халат</i>

халате, надетом на один рукав, и хватая пса за ноги. — Зина, держи его за шиворот, мерзавца!

был надет / только на одну руку / (Текст 1. Инф. 12).

В иллюстрации (19) слово *сладкий* приобретает дополнительную сему 'менее, несколько' (*сладким* → *сладковатым*), здесь этот пример демонстрирует прямую семантическую деривацию. Следующий пример (20) обнаруживает обратную семантическую деривацию: *рук-ав* → *рук-у*: говорящий подменяет один денотат другим, но, тем не менее, единица вторичного текста находится в пространственной связи с предметом, который был обозначен в предтексте — *рукав*.

Эзоединицы II степени мотивированности первичным текстом возникают на основе действия механизма эквивалентной замены, это лексические синонимы разнокорневой структуры, конверсивы, антонимы (с отрицанием или без), *развернутые* и *свернутые номинации*.

Эзоединицы-синонимы можно разделить на группы в зависимости от того, чем различаются слова одного синонимического ряда — понятийные, стилистические, образные и т. д. Пример (21) можно демонстрирует понятийные синонимы:

Первичный текст	Вторичный текст
... они сдвигаются, теснятся, <i>синевы</i> между ними уже не видать; но сами они так же лазурны, как небо ...	(21) они сливаются в единую цепочку / и уже <i>лазури</i> / той которая была перед этим/ её уже не видно // (Текст 2. Инф. 14).

В первичном тексте употребляется слово *синевы* для изображения цвета неба и облаков; говорящий в тексте-пересказе несколько смягчает краски, описывая небо в более мягкой цветовой палитре (светло-синий) — *лазурь*.

Эзоединицы-гипонимы/гиперонимы возникают на основе гипонимии (от вида к роду) и, наоборот, гипернимии (от рода к виду), ср.: «Слова типа *яблоко, собака, чашка, синий, бежать* (в отличие от слов типа *фрукт, антоновка, животное, пудель, сосуд, темно-синий, пудель, передвигаться, трусить*) обозначают классы объектов, свойств, и явлений, выделяемые на базовом уровне категоризации действительности» (выделение автора — В. К.) (Кобозева 2000: 102). Эзоединицы-гипонимы/гиперонимы могут осознаваться говорящим и слушающим в пределах одного текста как синонимичные слова или выражения, однако вне контекста они теряют близость значений: значения гиперонимов и гипонимов лишь частично совпадают (гиперонимы имеют более широкое значение по сравнению с гипонимом).

Первичный текст	Вторичный текст
<i>Женщина посвистела, пощелкала пальцами, и пес, немного поколебавшись, последовал за ней.</i>	(22) для каких-то медицинских целей понадобилось <i>животное</i> оно было поймано и женщина привела его в помещение (Текст 1. Инф. 17).

Напомним, что в настоящем исследовании респондентами были юристы, которые хорошо владеют юридическим языком. Поэтому использование ими гипонимов и гиперонимов во вторичном тексте не случайно: описание, допустим, места преступления начинается с определения рода объекта, затем его характера и свойств. В исследованном материале встречаются чаще всего замены гипоним → гипероним, что обусловлено тем, что в первичном тексте отсутствуют в большом количестве гиперонимы.

Эзоединицы-антонимы выражают смысл первичного текста, не искажая его. Подобные эзоединицы мотивированы конструкциями, содержащими отрицание (внешнее или внутреннее), и появляются во вторичном тексте как способ перефразирования, обозначая одну и ту же ситуацию в первичных и вторичных текстах.

Первичный текст	Вторичный текст
...даже за час до ночи вы не чувствуете сырости...	(23) веяло <i>сухостью</i> / несмотря на / мелкий редкий дождик // (Текст 2. Инф. 25).

В примере (23) информант перефразировал конструкцию с отрицанием *не чувствуете сырости*. Пара *сырость* — *сухость* относится к типу квазиантонимов, так как слова отличаются друг от друга 'наличием большого количества/интенсивностью'

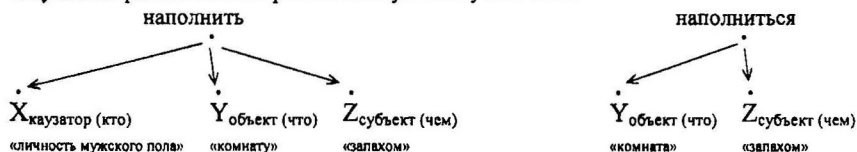
или 'отсутствием' влаги (Апресян 1995: 314). Лексема вторичного текста *веять* обладает значением «2. обычно безл., чем. Обдавать дуновением (прохлады, тепла, запаха и т. п.)». *Веять* относится к глаголам восприятия, т. к. толкование слова включает обязательный семантический компонент 'восприятие' (в данном случае тактильные ощущения субъекта рождают восприятие явления сухости/влажности воздуха). Говорящий чувствует сырость, сухость и т. д. в потоке воздуха, который всегда движется, и не случайно информант заменяет слова *чувствовать* и *сырость* на *веять* и *сухость*, что совершенно не меняет описанной в первичном тексте ситуации, но вместе с тем во вторичном тексте устраняется реципиент (используется безличная конструкция), хотя он и предполагается. Устранение субъекта восприятия способствует переносу акцента в высказывании на его объект (Реферовская 1996: 89).

Эзоединиц-антонимов в материале исследования встретилось немного (они были обнаружены у информантов с высоким уровнем речевой компетенции в большом количестве по сравнению с информантами с низким уровнем), что связано, скорее всего, с необходимостью глубокой переработки первичного высказывания, т. к. воспроизвести легче готовую конструкцию, не меняя в ней ничего, чем ее перефразировать, что требует не только речевых, но и интеллектуальных усилий.

Эзоединицы-конверсивы (в том числе квазиконверсивы) — это предикатные слова, обозначающие одну и ту же ситуацию, но подчеркивающие в ней разные стороны и поэтому имеющие обращенную актантную структуру (Русский язык 2004: 174). Частотность их появления зависит, во-первых, от того, как много подобных слов в предтексте и, во-вторых, существует ли у этих единиц первичного текста конверсивная пара. В нашем материале таких случаев немного. Рассмотрим некоторые из них.

Первичный текст	Вторичный текст
<i>Давя битые стекла, она кинулась не ко псу, а к шкафу, раскрыла его и всю комнату наполнила сладким и тошным запахом.</i>	(24) и вдруг появилась / вторая / мужская личность / которая попыталась схватить пса / внезапно комната напол... наполнилась зловещим [...] } зловонным запахом / зловонным запахом // (Текст 1. Инф. 7).

В иллюстрации (24) происходит мена предикатного слова, при этом они ситуативно равны. Рассмотрим актантную схему глаголов:

Во вторичном тексте устраняется каузатор, остаются лишь объект и субъект — *комната* и *запах*. По мнению Ю. Д. Апресяна, «семантическое назначение конверсивов состоит в том, чтобы передавать различия в логическом ударении (выделении, подчеркивании)» (Апресян 1995: 257). Данный пример иллюстрирует эмфазу: для информантов более важен объект, чем субъект и каузатор.

Эзоединицы-конверсивы, как и антонимы, не частое явление во вторичном тексте. Это происходит поскольку их появление во вторичном тексте свидетельствует о том, что говорящий сумел посмотреть на описанную в предтексте ситуацию с другой стороны, что требует некоторых усилий.

Эзединицы-номинации (свернутые/развернутые). Процессы свертывания и развертывания неотъемлемо связаны с пониманием текста⁸, так как являются его демонстрацией. К этому типу относятся единицы на уровне слова или словосочетания, а элементы, появившиеся на уровне текста, относятся к эзединицам пятой степени мотивированности. Свернутая и развернутая номинации обозначают один и тот же денотат. Если в первичном тексте содержится развернутая номинация, то во вторичном тексте — свернутая, и, наоборот, если в предтексте — свернутая номинация, то во вторичном образовании — развернутая (часто это — предикативная конструкция).

Первичный текст	Вторичный текст
<i>Еще шире распахнулась дверь, и ворвалась еще одна личность мужского пола в халате.</i>	(25) и только подошедший / подоспевший на помощь / мужчина / второй / э-э смог остановить пса / (Текст 1. Инф. 17).

В первичном тексте содержится развернутая номинация *личность мужского пола*, которая соответствует слову *мужчина*, обозначая с ним один и тот же денотат — см. пример (25). Подобная замена является самой частотной. Помимо свернутых номинаций, в текстах-пересказах встречаются и развернутые номинации:

Первичный текст	Вторичный текст
<i>Они вдвоем попали в узкий, тускло освещенный коридор, одну лакированную дверь миновали, пришли в конец, а затем проишли налево и оказались в темной комнате...</i>	(26) повернули направо и очутились в какой-то комнате // а-а / в комнате было темно // (Текст 1. Инф. 1).

В примере (26) говорящий расширяет словосочетание *в темной комнате* до конструкции с качественным предикатом — *в комнате было темно*.

Эзединицы III степени мотивированности первичным текстом — это слова, не выражающие содержания предтекста и появляющиеся под действием ассоциативного механизма как «одного из базовых механизмов речемыслительной деятельности, функционирующих как на довербальных, так и на вербальных этапах речевого программирования» (Овчинникова 2002: 5). К данной группе эзединиц на экспериментальном материале были отнесены только парадигматические ассоциации на основе координации (антонимы); а также синтагматические и тематические ассоциативные слова. Синонимы и гипонимы исключаются из этой группы, несмотря на то что они появляются во вторичном тексте под действием ассоциативного механизма порождения речи. Они отражают содержание исходного текста. К тому же на уровне текста синонимы и гипонимы выполняют роль перефразирования, позволяют избежать в речи однообразия. Главный признак эзединиц III степени мотивированности заключается в том, что они не соответствуют той информации, которая содержится в исходном тексте.

Первичный текст	Вторичный текст
<i>Сейчас касторку заставят жрать и весь бок изрежут ножиками, а до него и так дотронуться нельзя!</i>	(27) пес э-э решил что его хотят заманить а-а в собачью лечебницу напоить его валерьянкой (Текст 1. Инф. 32).

В примере (25) говорящий называет вместо *касторки* как средства, применяемого для лечения собак, *валерьянку*, которая в редких случаях используется для той же цели. Скорее всего, информант забыл, какое именно лекарственное средство называлось в тексте, однако помнит, что в предтексте об этом говорилось. Интересно, что ассоциация, появившаяся во вторичном тексте, не прямая, а носит опосредованный характер. Вероятно, в сознании говорящего *кот* или *кошка* как реакция на стимул *собака (пес)* возникают на основе координации (S и R находятся на одном уровне абстракции), в результате во вторичном тексте появляется слово *валерьянка*. Можно предположить, что это слово является итогом цепочки ассоциативных связей.

⁸ Процесс свертывания (сжатия) текста отражает, с одной стороны, некоторые механизмы внутренней речи, с другой — принадлежит к типу процедур фиксации инвариантных языковых характеристик передаваемого сообщения (Гинзбург и др. 1968).

О частях речи в рассматриваемом отношении можно сказать, что наибольшей ассоциативной силой в нашем материале обладают имена существительные и прилагательные, меньшей — глаголы и наречия, поскольку глаголы несут основную нагрузку в высказывании и имеют меньшую свободу сочетаемости, чем существительные, прилагательные и наречия. Вербальные ассоциации, которые появляются во вторичном тексте, оказались гораздо сложнее, они пронизаны сетью настолько различных, разноуровневых, связей между стимулом и реакцией, что в рамках настоящей работы установить стимул для каждой из них иногда практически невозможно.

Эзединицы IV степени мотивированности предтекстом — это собственно новые единицы, формально не схожие и напрямую не связанные с первичным текстом. Они выражают фактуальную информацию первичного текста, появляются в результате действия механизмов компрессии, интерпретации, доммысливания и строятся на основе фоновых знаний языковой личности. Можно условно поделить их на соответствующие подгруппы.

1. Эзединицы первой группы выражают *компрессию исходных высказываний*. *Компрессия* — это процесс смыслового и формального сжатия первичного текста-стимула. Информанты в ходе пересказа сжимают некоторые композиционные части предтекста (чаще всего развитие действия) или части предложения, что является вполне естественным процессом:

(28) *в связи с чем предпринял действия по своему освобождению* (Текст 1. Инф. 17).

(29) *как встает солнце как всё это прекрасно и красиво и до конца дня* (Текст 2. Инф. 29).

В примере (28) информант сжимает середину первичного текста, называя коллокат *предпринял действия* и опуская при этом информацию, какого рода действия совершил пс. Этот коллокат содержит в себе сему 'цели' и требует ее эксплицитного выражения — *по своему освобождению*. Иллюстрация (29) демонстрирует сжатие уже всего первичного текста. В предтексте описывается весь июльский день. Одно из значений у слова *день* — «1. Часть суток от восхода до захода солнца, от утра до вечера». Закат является концом дня, поэтому и появляется во вторичном тексте информанта слово *до конца*.

2. Вторая группа выражает различные *доммыслы* говорящего. Информанты при пересказе добавляют новую фактуальную информацию, развивая уже известное, данное в первичном тексте, делают выводы, высказывают те или иные предположения, касающиеся, например, причин и следствий поступков:

(30) *на улице женщина подобрала бездомного раненого пса приманив его колбасой заманила в до...* (Текст 1. Инф. 20).

3. Эзединицы третьей группы появляются на основе фоновых знаний языковой личности. Человек, читающий отрывок из художественного текста, может вспомнить подробности, сюжет, имена героев, выражения, ставшие крылатыми, из самого произведения, т. е. ту дополнительную информацию, которой нет в отрывке, но которая содержится в произведении, из которого взят данный отрывок. В этом случае человек использует свои фоновые знания, хранящиеся в долговременной памяти. В эту группу попадают в нашем случае имена героев, профессии, крылатые выражения, которые не называются в предтексте. Например:

(31) *<вдох> из прочитанного данного текстового отрывка / м-мозу пересказать следующее / что это <кашель> (...) как в трех двух словах-то / значит { значит речь идет } о псе Шарикове / которого <кашель> скажем так { а-а заманили в определенное помещение / для дачи лекарства //* (Текст 1. Инф. 8).

(32) *в этом отрывке / рассказывается о том как { пса который впоследствии стал Полиграфом Полиграфом Полиграфовичем Шариковым <смех> впервые заманили к профессору Преображенскому } колбасой //* (Текст 1. Инф. 26).

Эзоединицы IV степени мотивированы единицами первичного текста, их семантикой. Они встречаются чаще всего в текстах, в которых реализованы коммуникативные стратегии *Я — читатель* и *Я — исследователь*, а также в текстах, которые демонстрируют сжатие в высокой степени.

К эзоединицам V степени мотивированности предтекстом относятся слова, чья мотивированность носит особый характер. Эти единицы позволяют построить своего рода «текст о тексте» и выполняют функцию вводящего элемента.

- (33) *повествуется о том что / о-он всё это прекрасно в принципе / осознал / и пытался от этого убежать / вырваться / там / бился /* (Текст 1. Инф. 9).

Эти элементы встречаются в монологах, в которых реализованы стратегии *Я — читатель* и *Я — исследователь*.

Эзоединицы VI степени мотивированности предтекстом — «структурно-фатические» элементы текста. Одни единицы такого типа выполняют в тексте структурирующую функцию, поскольку текст строится говорящим на ходу. Другие выполняют фатическую (или контактоустанавливающую) функцию, оформляя взаимодействие адресата и адресанта речи. Рассмотрим примеры этих единиц.

1. Эзоединицы первой группы выражают *эмоциональное отношение* говорящего к описываемой ситуации. Оценочность может быть нейтральной (говорящий не выражает никакого особого отношения к событию или к его участникам), положительной или отрицательной. Их можно назвать *эмоциативами*. Например:

- (34) *лес закрутился завертелся разлил банку с ватой комья полетели хлопья тоже полетели бедолага лес* (Текст 1. Инф. 23).

2. Эзоединицы второй группы выражают *модальную оценку* ситуации, описанной в первичном тексте, это может быть слово (словосочетание) или конструкция (в том числе обладающая предикативностью). Говорящий осуществляет оценку ситуации на предмет ее достоверности, указывает на источник информации, определяет ход своей мысли и способ ее выражения:

- (35) *комната сама не понравилась э-э ну двумя моментами во-первых она была тёмной и во-вторых там достаточно неприятно пахло* (Текст 1. Инф. 14).

- (36) *такая погода а-а мечта для земледельца скажем так пожалуй всё* (Текст 2. Инф. 1).

3. Эзоединицы третьей группы выражают *метакоммуникативную функцию*. Таким элементом может быть только предикативная конструкция. Это своего рода рассуждения говорящего о том, что и каким образом он продуцирует:

- (37) *затем распахнулась дверь а-а засиял свет и м-м да сложновато так* (Текст 1. Инф. 3).

4. Эзоединицы четвертой группы выполняют *дискурсивную функцию*:

- (38) *такая погода нравится земледельцу возделывать что-то на земле скорее всего всё* (Текст 2. Инф. 22).

Описание процедуры появления тех или иных единиц вторичного текста является одним из важных моментов в изучении лингвистической специфики вторичных репродуцированных текстов. Результаты анализа семантики единиц вторичного текста показывают, что любая значимая единица вторичного текста мотивирована теми или иными единицами предтекста, хотя степень этой мотивированности может быть разной и зависит от действия различных механизмов (например, эквивалентной замены, интерпретации, сжатия и др.) и т. д.

В пятой главе работы — «О некоторых корреляциях между особенностями пересказа и социальными и психологическими характеристиками говорящих» — рассматривается обусловленность некоторых лингвистических параметров вторичного текста (длина текста в «словах», доля номинативной лексики во вторичных текстах, дистрибуция некоторых частей речи — имени существительного и глагола)

социальными и психологическими характеристиками говорящих. В ходе анализа создана классификация единиц устной речи: 1) *речевые* — номинативный, местоименный, собственно связующий, модальный макроклассы; 2) *условно-речевые* — обрывы и оговорки, гезитативы и дискурсивы; 3) *неречевые* — различные паралингвистические элементы).

Длина вторичного текста практически почти во всех случаях сокращается по сравнению с исходным текстом. Это происходит под влиянием следующих факторов: тип предтекста (его сюжетность-несюжетность), уровень речевой компетенции говорящего (высокий — низкий) и его психотип (экстраверт-интроверт).

Анализ материала показал, что номинативная лексика составляет примерно чуть больше половины вторичного текста, выбиваются из общей картины только группа интровертов: доля номинативной лексики составляет 60 % от всего текста. Пересказ несюжетного текста по сравнению с сюжетным пересказом сохранил меньше номинативной лексики: по всем группам информантов показатели несюжетного текста ниже, чем сюжетного. На 41 % и на 32 % сохранили объем номинативной лексики первичного текста юристы-преподаватели (информанты с высоким УРК), на 32 % и на 22 % — юристы-практики. У мужчин соотношение первичного и вторичного сюжетных текстов в рассматриваемом аспекте выше (40 %), чем у женщин (31 %). Информанты младшей возрастной группы несущественно превышают в этом отношении группу старшей возрастной группы (37 %–34 %). По несюжетному тексту у мужчин и женщин, а также у младшей и старшей возрастных групп средние показатели почти одинаковы.

Анализ дистрибуции имен существительных и глаголов как основных частей речи показал, что их распределение в значительной степени зависит от типа предтекста: в пересказе сюжетного текста их оказалось больше. Что касается соотношения количественных показателей распространенности этих частей речи во вторичном и первичном текстах, то в пересказах больше существительных сохранили мужчины, чем женщины (за исключением средних по пересказу несюжетного текста), преподаватели — больше, чем практики, интроверты — больше, а также информанты с низким уровнем невротичности, чем амбиверты и экстраверты и информанты с высоким и средним уровнем невротичности (не считая данных по сюжетному тексту). В пересказах сюжетного текста больше глагольной лексики сохранили преподаватели, чем практики, мужчины — больше, чем женщины, интроверты — больше, чем экстраверты.

В заключении формулируются основные выводы диссертационного исследования, легшие в основу положений, выносимых на защиту. Классификации, приведенные в настоящей работе, не представляют собой закрытой модели исчисления всех возможных типов коммуникативных стратегий, типов репродуцированного текста и эзодиниц. Они построены на основании опыта предшествующих классификаций, а также на основании проведенного в настоящей работе исследования живой речи, которая существенно отличается от своей письменной формы.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях автора:

1. Бинарные оппозиции как способ описания лингвистических явлений (отражение в монологической речи социальных характеристик говорящего: к постановке проблемы) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Филология. Востоковедение. Журналистика. Серия 9. СПб., 2008. С. 56–63.
2. О характере мотивированности неподготовленного текста-пересказа // Вестник Санкт-Петербургского университета. Филология. Востоковедение. Журналистика. Серия 9. Вып. 3. Часть 2. СПб., 2008. С. 73–81.

3. Специфика пересказа как вида речевой деятельности: эндо- и экзоединицы звучащего спонтанного монолога // Вестник Санкт-Петербургского университета. Филология. Востоковедение. Журналистика. Серия 9. Вып. 4. Часть 2. СПб., 2008. С. 135-145.
4. Об одном из способов подбора информантов в ходе полевого исследования // Материалы XXXVI Международной филологической конференции, 12-17 марта 2007 г., Санкт-Петербург. Вып. 20: Полевая лингвистика. Интегральное моделирование звуковой формы естественного языка / Отв. ред. А. С. Асиновский и Н. В. Богданова. СПб., 2007. С. 45-52.
5. О корпусе звучащих текстов на русском языке (формирование учебных материалов нового типа) // Текст: проблемы и перспективы. Аспекты изучения в целях преподавания русского языка как иностранного. Материалы IV Международной научно-практической конференции. 22-24 ноября 2007 года. М., 2007. С. 31-34 (в соавторстве с Е. А. Архиповой, Н. В. Богдановой, И. С. Бродт, Е. В. Маркасовой, Т. Ю. Шерстиновой).
6. Звуковой корпус русского языка повседневного общения // http://model.iphil.ru/doc/odin_razgovornyi_den.pdf (2007) (в соавторстве с А. С. Асиновским, Н. В. Богдановой, И. В. Королевой, М. В. Русаковой, А. И. Рыко, С. Б. Степановой, Т. Ю. Шерстиновой).
7. О «корпусе» текстов живой речи: принципы формирования и возможности описания // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Выпуск 7 (14). По материалам ежегодной международной конференции «Диалог» (2008). М., 2008. С. 57-61 (в соавторстве с Н. В. Богдановой, И. С. Бродт, О. В. Павловой, Е. М. Сапуновой, Н. С. Филипповой).
8. Русская спонтанная речь. Свободные монологи-рассказы на заданную тему. Часть 1. Тексты. Часть 2. Лексические материалы / Отв. ред. и автор предисловия Н. В. Богданова. СПб., 2008.
9. О принципах создания частотного словника русской спонтанной речи (на материале «корпуса» репродуцированных текстов) // Материалы XXXVII Международной филологической конференции, 10-15 марта 2008 г., Санкт-Петербург. «Полевая лингвистика. Интегральное моделирование звуковой формы естественного языка». / Отв. ред. Н. В. Богданова. СПб., 2008. С. 47-61.

Подписано в печать 18.03.2009 г.
Формат 60х84 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 1,5. Тираж 100 экз. Заказ № 435

ЦОП типографии Издательства СПбГУ
199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9.

